

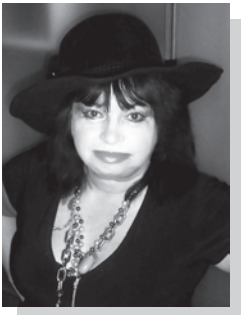
УДК 1/14

МЕТОДОЛОГИЯ ДИСКУРС-ИССЛЕДОВАНИЯ ТРАВЕЛОГА

Русаков Василий Матвеевич,

Институт международных связей,
заведующий кафедрой философии и культурологии,
доктор философских наук, профессор,
г. Екатеринбург, Россия,
E-mail: dipi@nm.ru

Русакова Ольга Фредовна,

Российская академия наук,
Уральское отделение, Институт философии и права,
заведующая отделом философии,
доктор политических наук, профессор,
г. Екатеринбург, Россия,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Аннотация

В статье представлена панорама перспективных исследований древнего и вечно нового вида субъективно-творческого освоения реальности – травелога в рамках методологии дискурс-анализа.

Ключевые слова:

травелог, методология, дискурс-анализ, категории, концепты.

Дискурс-анализ обретает права гражданства в российском философском пространстве: термины «дискурс», «дискурс-анализ» и «дискурсивно-идеологический комплекс» перестают пугать ревнителей философского терминологического и категориального пуризма [14; 13]. Уже и сам патриарх дискурс-анализа – Т. ван Дейк посещает гостеприимную российскую глубинку. И все же некоторые детали отечественного интеллектуального пейзажа мешают употребить глагол совершенного вида.

Лингвокультурологический поворот в современном гуманитарном познании дал богатый материал философско-методологическим исследованиям [6; 7; 5]. К числу «концептов», вы-

зывающих пристальный и небезосновательный интерес, относится «травелог» [8; 13; 15]. Сегодня можно констатировать, что представления о содержании данной категории достаточно ушли от вариантов, представленных в Wikipedia [3]. Но и говорить о раскрытии эвристической ценности изучения ее пока не приходится.

Травелог – или повествование о различных реальных или вымышленных путешествиях в пространстве и времени есть *форма субъективно-творческого освоения мира человеком* и представлена огромным многообразием видов и жанров.

Прежде всего, перед взором исследователя встает целый материк так называемой

«Литературы путешествий» (The Literature of Travel) [1], и мы узнаем, что термин «травелог» впервые ввел в обращение американский путешественник, фотограф и кинооператор Б. Холмс (Burton Holmes (1870–1958) [2]).

Континент «Литературы путешествий» поистине необозрим. Его изначальные границы упираются в неизреченные глубины мифов, проговариваемые в младенческую пору человечества в многообразных вариантах древних эпических повествований о приключениях и подвигах героев, пережитых и свершенных ими в процессе путешествий и странствий. Стало привычным выводить происхождение древнейших нарративов о странствиях и приключениях из самих условий жизни первобытных людей [3]. Действительно, практически во всех мифах и преданиях всех народов мира мы находим сказания о путешествиях и подвигах героев.

Многообразие видов и жанров травелога поражает: сказания, легенды, исторические хроники и летописи походов, завоеваний, отчеты экспедиций, путевые записки и дневники, путеводители и справочники, карты-схемы, морские лоции, фантастические путешествия и романы – как повествование о жизненном пути, лирическая поэзия – как травелог души [12; 4]. Двадцатый век по-своему дополнил это множество, породив травелог как travel-blog.

Изучение особенностей строения продуктов травелога обратило внимание на концептуально-категориальную структуру (каркас) его [9]. И здесь необходимо вспомнить значительное обогащение исследовательского инструментария, связанное с трудами выдающихся отечественных ученых [5; 6; 7]. Лингвокультурологические исследования ввели важное разграничение категории (понятия) и концепта [5; 7].

Травелог, в этом смысле, сам является, скорее, концептом, нежели категорией (понятием). Об этом говорит сложная структура его, включающая особый коммуникативный, прагматический и семантический аспекты, в существенной степени связанные с чувственно-образной «оболочкой» богатых ассоциативных рядов, в которых и через которые травелог «живет» в мире культуры.

В его структуре занимают важное место такие ключевые концепты, как Путь, Путник, Приключение (Подвиг). Архетипическое и рацио-

нальное в дискурсе травелога: архетипические концепты (Путь, Путник, Приключение и др.) [8; 13].

Весьма перспективно изучение таких аспектов дискурса, как семиотический, лингвистический, праксеологический, кратологический.

Кроме того, необходимо различать также диахронический и синхронический аспекты функционирования дискурса. В диахроническом аспекте травелог как форма субъективно-творческого освоения мира проделал путь от древнего мифологического сознания (легенды и сказания о подвигах мифологических героев, их странствиях и путешествиях) до современного рационально-теоретического (отчеты экспедиций, путеводители, лоции, карты и схемы, методологические и методические исследования и рекомендации) [11].

В синхроническом аспекте травелог как тотальность способа субъективно-творческого освоения мира человеком представлен богатым разнообразием видов и жанров, а с другой стороны – в самой структуре травелога, а тем более – его дискурса, – присутствуют архетипическое, иррационально-мифологическое, фантастическое, рационально-теоретическое (в разных видах и жанрах – в различной пропорции) [10].

В диахроническом «срезе» многообразных видов и жанров травелога отчетливо прослеживается накопление «слоистой» структуры: над наиболее древними мифопоэтическими и мифологическими слоями исторически наслаиваются все более рационализированные (вплоть до рационально-теоретических конструкций). Наслаивание совершается от эпохи к эпохе и связано с прогрессом самоопределения субъекта творческого освоения мира: выделение индивидуального сознания и самосознания из коллективного; возникновение теоретического конструирования (отделение от мифологического чувственно-образного), а затем и рационально-теоретического – вплоть до научно-теоретического способа освоения внешнего и внутреннего мира [9].

Этот процесс отражается в разветвлении жанрового многообразия травелога: от мифологических, фантастических историй о странствиях богов и героев в устных легендах и преданиях (Книга Еноха, Исландские саги, Манас, Калевала,

Рамайна и Махабхарата, Песнь о Нибелунгах и т. п.) – до первоначальных попыток простейших фиксаций путешествий, нашествий, завоеваний и т. п. перемещений в пространстве и времени (часто «погибающих» под гнетом нерешенных проблем со средствами выражения и передачи смыслов и значений). Параллельно идет процесс выделения и самоопределения индивидуально-психологического мира, и осознание человеческой жизнедеятельности как жизненного пути, и формирование особого жанра травелога: от «Бесед разочарованного со своей душой» до «Исповедей» (Августин – Абельяр – Руссо – Толстой), «Годы странствий Вильгельма Мейстера» И. Гете, «Годы странствий» А. Арбузова, Ф. Листа, «Путешествия на край ночи» Ф. Селина и т. п.

«Слоистая» структура ключевых концептов травелога – Путь, Путник, Приключение – выражается в постоянном колебании смысла вокруг некоего ценностно-смыслового ядра, которое, в свою очередь, амбивалентно. Путь – это и движение (В путь!), и направление (Верной дорогой идете, товарищи!), и место в пространстве, где совершается движение (автомобильные и железнодорожные магистрали и морские маршруты), и время, наполненное движением (Пройденный путь, жизненный путь), и мировоззрение («Алмазный Путь», «Восьмеричный путь», «Путь к себе» и т. п.).

Не менее сложен состав концепта Путник – это и Путешественник-первооткрыватель, и Бродяга (Агасфер), и Странник (Пилигрим), Гид (Проводник, Вождь и Полководец), Шпион (Соглядатай), это и Гость, и Сталкер. Это – все мы, люди, бредущие по своему жизненному Пути [8].

Приключение, оно же Подвиг, – важный концепт травелога. В. Янкелевич описал жизнь как приключение (adventure). Приключение (Подвиг) – это всегда выбор («Направо пойдешь..., налево пойдешь...»), герой мифологический в подвигах (Геракл, Тезей) проявляет свои изначально ему присущие свойства, герой литературного травелога (романа) – через подвиги (которые суть непростой выбор) обретает героические свойства.

Наращение рационально-теоретических способов конструирования выражается в появлении весьма специфических продуктов (жанров) – социальные и социально-политические «утопии»:

изначально конструируется вымышленный мир и путешествие по нему подается как приглашение к соразмышлению (Т. Мор «Книга столь же забавная, сколь и полезная... о наилучшем устройстве общества», Ф. Бэкон «Новая Атлантида», О. Хаксли «Этот дивный новый мир» и др.).

Рационально-теоретическое конструирование достигает апогея в научном творчестве с появлением современного научно-теоретического знания в Новое время. Возникают каноны строгого объективно-достоверного описания движения («Пути») научной мысли в процессе разыскания истины: планы и отчеты научных экспедиций – астрономических (Т. Кук и задание провести астрономические наблюдения), географических (экспедиция капитана Г. Невельского с целью определения: Сахалин – это остров или полуостров?), геологические и палеонтологические (экспедиции И. Ефремова в Эвенкию и пустыню Гоби), планы и отчеты о «ключевых» (Критических) экспериментах (опыт Майкельсона-Морли и т. п.), вплоть до методологической и методической литературы – научающей правильному движению мысли в поисках истины.

В гетерогенной структуре дискурса травелога присутствуют компоненты различного происхождения: а) архетипические концепты-категории, иногда называемые «мифологемы» (с неочевидным интуитивным содержанием); б) мифологические и мифопоэтические образы; в) рациональные схематизмы (построения, методы и способы развертывания содержания (обоснования) и т. п.); г) рационально-теоретические компоненты (понятия, категории, теории, картины мира) [7; 9].

Отдельного внимания заслуживает соотношение фантастического и действительного в травелоге: в любом, даже самом рационально-теоретическом научном травелоге неизбежно есть элемент фантастического, связанный с творческой природой человеческого сознания, поскольку травелог был, есть и остается формой (способом) субъективно-творческого освоения мира человеком, освоения в формах человеческой субъективности, активной преобразующей предметной деятельности человека. Этот аспект хорошо просматривается в дискурс-анализе травелога – при рассмотрении главных его аспектов:

семиотического (смыслопорождение, означивание и переозначивание жизненного пространства человека), праксеологического (вырабатываются и предлагаются способы и формы жизнедеятельности в процессе движения в пространстве-времени), кратологического (ибо разнообразные формы травелога предписывают, задают индивиду способы означивания и переозначивания мира, формы и способы жизнедеятельности в меняющемся мире, это особенно наглядно происходит в процессе институционализации их: в социально-политических утопиях и манифестах и программах политических движений вначале провозглашаются некие способы жизнедеятельности, а затем они становятся организациями, учреждениями, традициями и обычаями; в картах-схемах и путеводителях рассказывается как, каким способом попасть в Индию, Острова пряностей, остров сокровищ, святые земли, места паломничества и т. п.). Что-то осыпается, как необязательная шелуха, продукт произвола воображения, а что-то оседает как устоявшийся новый элемент (способ) жизнедеятельности людей.

Хорошо прослеживается устойчивая взаимосвязь архетипических концептов Путь (Дорога, Жизнь, Путешествие) – Путник (Странник, Разведчик, Первопроходец, Бродяга) – Приключение (Подвиг, Выбор, Цель), в которых происходит своеобразное «Мерцание смыслов».

Особенное внимание обращает на себя схематизм «выбора» (принятия решений) Путником в ситуации Приключения (Подвига) с возникновением новой ситуации выбора (необходимости принятия решения) – что, в сущности, означает «Дерево решений». В первооснове «Дерева решений» – архетип «Древа жизни» (и смерти). Древо жизни симметрично относительно наличной реальности и положения субъекта – оно уходит «вверх» («Крона»), т. е. «дерево решений», выбора между добром и злом, жизнью и смертью; и оно же уходит «вниз» («Корни», «Ризома») в тьму бессознательного (индивидуального и коллективного – память рода, этноса).

«Крона» – «светлая», рациональная сторона Древа Жизни (Древа Познания), плодоносная сторона («пожинаем плоды выбора»). «Корни» (Ризома) – темная иррационально-мифологическая сторона Древа Жизни (Древа Познания): там предтечи, предпосылки, там –

неизреченное (как «еще неизреченное», так и в принципе «неизреченное» как неизрекаемое, глубины мерцания смыслов («Вероятностная теория смыслов»). Там покоятся непроговоренные и принципиально невыразимые смыслы, прорывающиеся «наверх» в парадоксальных формах вербализации (в идиомы, поговорки, притчи, парадоксы). Предположительно, это неизреченное первоначально существует в магических практиках (обрядов, заклинаний), носящих инстинктивный характер и вплетенных в повседневную жизнедеятельность первобытного социума. В последующем они подвергаются рационализации и осмысленной вербализации, возможно, по схеме фрейдовского вытеснения и замещения травмирующего содержания.

Травелог как форма субъективно-творческого (духовно-практического и предметно-практического) освоения мира человеком – столь же разнообразен, сколь разнообразны способы и формы освоения мира человеком [12]. В то же время это многообразие пронизано единством принципа процессуальности освоения. Травелог есть явно и неявно выраженное описание, субъективно-творческая фиксация самого процесса освоения мира – начиная с появления феномена наррации (сказовости). Единство многообразных видов и жанров поддерживается единством структуры и схематизмов травелога.

Миф как форма, в которой затем впервые опредмечивается травелог, еще не есть его собственная форма: здесь еще нет разделения мироздания на объективное и субъективное существование, нет наррации. Перемещение в пространстве-времени в архаическом мифе еще не подвергается субъективной рефлексии (нет отделения субъекта движения от процесса, есть отождествление состояний субъекта и внешних событий).

Современный травелог многообразен в том плане, что старые, архаические формы полностью не изжиты, не исчезают. Мифопоэтический и мифологический элементы преобразуются в фантастический компонент любого современного и даже весьма рационализованного травелога: в отчетах географических и геолого-палеонтологических и прочих экспедиций, в методологических и методических наставлениях и путеводителях.

В то же время современный травелог канонизирует стремление к достоверности, возможности перекрестной проверки (карта – логия – словарь – справочник – свидетельства очевидцев – электронная навигация). Даже предельно субъективные травелоги-странствия души в поисках ценностей и смыслов (например, в форме «потока сознания») в гораздо большей степени передают действительные движения души, нежели обобщающие психологические штудии [10; 11].

Травелог в силу своей скрытой или явной процессуальности, тяготения к воспроизведению движения субъекта в пространстве-времени среди других субъектов и объектов, природа которых (суть) открывается во взаимодействии с ними (общении, наблюдении), хорошо соответствует дискурсу, понимаемому как текст и порядок речи, помещенной в ситуацию общения, коммуникации. Дискурс травелога непосредственно воплощает эту вовлеченность сказовости, наррации в процесс взаимодействия, коммуникации и в главных своих аспектах (измерениях) замечательно это демонстрирует.

Смежными травелогическими дискурсами выступают литературные жанры – повести и романы (жизненный путь литературного героя), методологическая и методическая литература (путеводитель в дебрях познавательных проблем на пути к истинному знанию), справочно-энциклопедическая литература, в которой травелог угасает, как в своей результирующей, где предшествующий богатый событиями и перипетиями (драма идей!) путь угасает в отстоявшемся результате: «таким образом, А=Б». Все учебники чаще всего грешат тем, что снижают и даже элиминируют, поелику возможно, процессуальность (историчность): там, где процессуальность устраняется, снимается или маскируется (путь движения к данному уровню истины), – самые честные в конце обязательно добавляют, что это есть: а) то, что известно нам на сегодня, б) и есть то, что мы оставляем в стороне – различные альтернативы и спорные т. зрения, во что мы не вгрызаемся, как в до сих пор нерешенное и проблематичное. Это последнее обычно оставляется истории науки, популярным экскурсам, биографиям ученых и биографиям идей, вплоть до «паранаучных» экзерсисов.

Процесс семиозиса – означивания всего пространственно-временного континуума, в котором жизнедействует субъект, является универсальной необходимостью человеческого существования. Это есть не что иное, как смысло-жизненное ориентирование, без которого человек не может существовать как человек (он стремится осознать – что он есть такое и как он к этому пришел, каковы направления движения – к наличию позитивного смысла или отсутствию его, в каких направлениях предпочтительно двигаться, а в каких – нет;). В процессе жизненного пути возрастная психология говорит нам о существовании нескольких обязательных поворотных моментов (возрастных кризисов).

Травелог во внешнем пространстве-времени связан с семиозисом через семиотические машины – наделяющие смыслами и значениями окружающий мир и все явления и процессы в нем. Особенно остро это переживается в описании ранее неведомых миров – географических, человеческих, с которыми сталкивается Путник.

Особый интерес могло бы представить изучение лингвистического аспекта дискурса травелога – как он живет в стихиях различных национальных языков.

Дискурс травелога неизбежно несет в себе гетерогенное праксеологическое начало: осознание и попытки «проговаривания» (артикуляции) первоначальных способов и форм движения в новом непривычном пространстве-времени (предельно авантюрные плавания Колумба в поисках «Индии», многими местами совершенно косноязычное для современников описание путешествия Марко Поло, фантастические и невероятные рассказы о путешествиях Магеллана, Васко да Гамы, описания перелетов через Атлантику Ч. Линдберга и пр., космических полетов Юрия Гагарина, Нила Армстронга, и тривиальные «потоки сознания» в блогах и твиттерах массового туризма, вплоть до поездок на Северный полюс, в Антарктиду, до космических туристов и др.). Первоначальные архаические способы передвижения – пешком, на мулах, на оленях, на собаках, на парусниках и т.п. – сменяются принципиально новыми, а потому кажущимися фантастическими. От практик авантюрного первооткрывательства, граничащего с безумием, переход к повседневной обыденности совершаемого перемещения внутри целой

глобальной системы и инфраструктуры. Дискурс (речь путешествия, помещаемая в контекст коммуникации) раскрывает эволюцию: от фантастических предположений, основанных на сумасшедших идеях (плыть в Индию на Запад, руководствуясь шарообразностью Земли!) – до тривиального звонка в турфирму с целью бронирования места в транспорте и отеле на другом краю Земли (с обеспечением всего – банковской картой).

Дискурс травелога обогащает человека новыми способами не только перемещения в пространстве-времени (объективном и субъективном), но и новыми способами существования, вплоть до способов смысложизненного ориентирования (повальное увлечение в XIX в. Востоком, восточным образом жизни, восточными духовными и материальными практиками, а сегодня – дауншифтинг).

Становление гражданина мира в дискурсе травелога – способы коммуникации, характер взаимодействия с чужими культурами, вращение в чуждые цивилизации, со всеми диковинными институтами, нормами и ценностями, технологиями существования, «практиками себя».

Дискурс травелога обладает властно-распорядительным ресурсом (кратологический аспект): любая экспедиция предполагает целый комплекс необходимых и совершенно неизбежных мероприятий – определение целей, маршрута, сроков, состава участников, материального и информационного обеспечения, взаимодействия на случай форс-мажора. Современные лоции, карты и справочники содержат предписания, обязательные для выполнения (и предусматривающие различные санкции за их нарушение или неисполнение). Гиды и путеводители специально предписывают Путнику чего-то придерживаться и от чего-либо уклоняться, что-то соблюдать или игнорировать, фиксировать или отбрасывать.

Особенно отчетливо проявляется кратологический (властно-распорядительный) аспект дискурса травелога в системах становящихся и затвердевающих впоследствии социальных институтов – странноприимные дома и приюты, турфирмы и страховые компании, межправительственные соглашения и традиции гостеприимства, распространение и усвоение языков межэтнического, межплеменного, межнационального общения, правила пересечения границ и проходов.

Формируется система норм и правил (как писанных, юридических, на охране которых стоят государства, так и неписанных – опирающихся на авторитет общественного мнения народов), задающая пространство и способы максимально возможного бесконфликтного общения и взаимодействия людей, могущих приобщаться к нормам и ценностям непривычных и даже первоначально чуждых культур.

1. The Cambridge History of English and American Literature in 18 Volumes (1907–21). Vol. 14. The Victorian Age, Part Two // VII. The Literature of Travel, 1700–1900 // <http://www.bartleby.com/224/0700.html>.

2. Burton Holmes, the «Father of the Travelogue» // <http://www.burtonholmesarchive.com/>.

3. On Travelogues // <http://www.oldworldwandering.com/on-the-travelogue/>.

4. Носкова В.Б. Травелог души в лирике Ли Бо. // Дискурс травелога. Сб. ст. Екатеринбург, ИМС-ИД. «Дискурс-Пи», 2009. С. 110–119.

5. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997. С. 276–379.

6. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // ИАН СЛЯ. 1983. Т. 52, № 1. С. 3–9.

7. «Слово «концепт» в протерминологической функции стало активно употребляться в российской лингвистической литературе с начала 90-х годов; лингвокультурологическое наполнение этой лексемы продолжила статья акад. Д.С. Лихачева, опиравшегося в ней на взгляды С.А. Аскольдова-Алексеева» – справедливо указывает С.Г. Воркачев (Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки, – 2001. – № 1. С. 64–72).

8. Дискурс травелога. Сб. статей. Екатеринбург, Ред.: О.Ф. Русакова, В.М. Русаков. Екатеринбург, ИМС-УрФЮИ, 2009.

9. Русаков В.М. Архетипические категории (концепты) в дискурсе травелога. // Дискурс-Пи: научный журнал. Вып. 10. Екатеринбург, ИД «Дискурс-Пи». 2010. С. 209–210.

10. Русаков В.М. Пути в неизвестное: рационализация иррационального в дискурсе травелога // Дискурсология: Методология. Теория. Практика. Доклады Третьей международной научно-практической конференции. Том 1. Екатеринбург. 2008. С. 53–55.

11. Русаков В.М. Дискурс травелога: словари и справочники как изречение неизреченного // Дискурс-Пи. Дискурс глобальных социокультурных коммуникаций. Вып. 8. Екатеринбург, Ин-т философии и права УрОРАН, 2009.

12. Русаков В.М. Многообразие видов и жанров травелога // Дискурс-Пи: научный журнал / учредитель Уральское отделение РАН, Институт философии и права. Под ред. О.Ф. Русаковой. Екатеринбург, ИД «Дискурс-Пи», 2013, вып. 11–12. С. 304–306.

13. Русакова О.Ф. Дискурс травелога. // Дискурс-Пи: научный журнал. Екатеринбург, ИД «Дискурс-Пи», вып. 10. С. 204.

14. Русакова О.Ф., Ишменев Е.В. Критический дискурс-анализ // Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. Серия «Дискурсология». Вып. 1. Екатеринбург, ИД «Дискурс-Пи», 2006. С. 39–54.

15. Эткинд А. Толкование путешествий. Россия и Америка в travelogax и интертекстах. М.: Новое литературное обозрение, 2001.

1. The Cambridge History of English and American Literature in 18 Volumes (1907–21). Vol. 14. The Victorian Age, Part Two // VII. The Literature of Travel, 1700–1900 // <http://www.bartleby.com/224/0700.html>.

2. Burton Holmes, the «Father of the Travelogue» // <http://www.burtonholmesarchive.com/>.

3. On Travelogues // <http://www.oldworldwandering.com/on-the-travelogue/>.

4. Noskova V.B. Travelog dushi v lirike Li Bo. // Diskurs traveloga. Sb. st. Ekaterinburg, IMS-ID. «Diskurs-Pi», 2009. S. 110–119.

5. Askol'dov S.A. Koncept i slovo // Russkaya slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta. Antologiya. M., 1997. S. 276–379.

6. Lixachev D.S. Konceptosfera russkogo yazyka // IAN SLYa. 1983. T. 52, № 1. S. 3–9.

7. «Slovo «koncept» v proterminologicheskoy funkcii stalo aktivno upotrebyat'sya v rossijskoj lingvisticheskoy literature s nachala 90-x godov; lingvokul'turologicheskoe napolnenie e'toj leksemy prodolzhlila stat'ya akad. D.S. Lixacheva, opiravshegosya v nej na vzglyady S.A. Askol'dova-Alekseeva» – spravedlivo ukazyvaet S.G. Vorkachev (Vorkachev S.G. Lingvokul'turologiya, yazykovaya lichnost', koncept: stanovlenie antropocentricheskoy

paradigmy v yazykoznanii // Filologicheskie nauki, – 2001. – № 1. S. 64–72).

8. Diskurs traveloga. Sb. statej. Ekaterinburg, Red.: O.F. Rusakova, V.M. Rusakov. Ekaterinburg, IMS-UrFYuI, 2009.

9. Rusakov V.M. Arxetipicheskie kategorii (koncepty) v diskurse traveloga. // Diskurs-Pi: nauchnyj zhurnal. Vyp. 10. Ekaterinburg, ID «Diskurs-Pi». 2010. S. 209–210.

10. Rusakov V.M. Puti v neznaemoe: racionalizaciya irracional'nogo v diskurse traveloga // Diskursologiya: Metodologiya. Teoriya. Praktika. Doklady Tret'ej mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Tom 1. Ekaterinburg, 2008. S. 53–55.

11. Rusakov V.M. Diskurs traveloga: slovari i spravochniki kak izrechenie neizrechenogo // Diskurs-Pi. Diskurs global'nyx sociokul'turnyx kommunikacij. Vyp. 8. Ekaterinburg, In-t filosofii i prava UrORAN, 2009.

12. Rusakov V.M. Mnogoobrazie vidov i zhanrov traveloga // Diskurs-Pi: nauchnyj zhurnal / uchreditel' Ural'skoe otdelenie RAN, Institut filosofii i prava. Pod red. O.F. Rusakovoj. Ekaterinburg, ID «Diskurs-Pi», 2013, vyp. 11–12. S. 304–306.

13. Rusakova O.F. Diskurs traveloga. // Diskurs-Pi: nauchnyj zhurnal. Ekaterinburg, ID «Diskurs-Pi», vyp. 10. S. 204.

14. Rusakova O.F., Ishmenev E.V. Kriticheskij diskurs-analiz // Sovremennye teorii diskursa: mul'tidisciplinarnyj analiz. Seriya «Diskursologiya». Vyp. 1. Ekaterinburg, ID «Diskurs-Pi», 2006. S. 39–54.

15. E'tkind A. Tolkovanie puteshestvij. Rossiya i Amerika v travelogax i intertekstax. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001.

UDC 1/14

THE METHODOLOGY OF DISCOURSE RESEARCH OF THE TRAVELOGUE

Rusakov Vasily Matveevich,

Institute of international relations,
Chair of philosophy and culture studies,
Doctor of philosophical sciences, professor,
E-mail: dipi@nm.ru

Rusakova Olga Fredovna,

Russian Academy of Sciences,
Ural branch, Philosophy and Law Institute,
Department of philosophy,
doctor of political sciences, professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Annotation

In article the panorama of perspective researches of an ancient and eternally new kind of is subjective-creative development of a reality – travelogue within the limits of discourse-analysis methodology is presented.

Key words:

travelogue, methodology, a discourse-analysis, categories, concepts.